

Денис ДЫМЧЕНКО

ДОВЕРИЕ

РАССКАЗ

Жду я, тревогой объят...

А. А. Фет

Телефон загудел — поступил новый заказ. Кирилл сидел на бордюре перед чужим подъездом с желтой сумкой за спиной. Рядом на подножке стоял велосипед. Кирилл поправил кепку и достал телефон из кармана. В приложении еще висел статус «Вручение». Обновлять его не торопился, хотел отдохнуть. Без перерыва шесть часов с десяти утра на ногах. Не успела первая и единственная на сегодня пара в институте закончиться — он пошел работать.

Денег не хватало всегда. Стоило их заработать, они тут же раскидывались на первостепенные траты и мелкие долги. А в конце месяца зарплата целиком уходила на оплату за съем квартиры. Подвешенное финансовое состояние подвешивало и Кириллово настроение. Ни Даше приятность купить, ни себе. Все это злило.

Он свернул рабочий экран, залез в соцсети. Открыл диалог с девушкой. В сотый, если не в тысячный раз взгляделся в строчки:

12:02 — Спасибо, что перевел

12:02 — Как кончатся пары, зайду в аптеку за тестом

12:02 — А там посмотрим...

12:03 — Как вернешься, будем думать

И в ответ бестолковое:

12:05 — Хорошо!

Страшно было ждать. Беременность — как приговор суда божьего. Одна полоска. Две полоски. Одна полоска. Две полоски. Можно было бы погадать на ромашке, но цветы во дворе с домами-новостроями не росли, только недавно посаженные елки пытались тянуться к небу и не чахнуть на солнцепеке.

Нужно было работать. Но работать, не думая и не тревожась, не получалось. Что ни шаг, то очередной план развития событий,

непрерывно прущие идеи, что и как. Варианты и варианты для вариантов. Посреди мысленной стройки он хотел притупить тревогу, но, наваливая детали и возможности, только разворачивал ее и таким образом растил. Вил сам себе ловушку. Выползал из нее, тыкая на кнопки в приложении и считая цифры.

Кирилл поднялся, сел на велосипед. Прожал «Заказ вручен». Потупив несколько секунд, приложение выдало маршрут и таймер. Заказ из «Пандамаркета» на Тухачевского, время — семь минут. Вжал педали, тронулся. Катился мимо машин к выезду со двора. Оранжевыми стенами возвышались «югстроевские» типовые дома, ютились, жались друг к другу, лишенные пространства. И маленький человек по примеру сжимался еще сильнее.

Выбрался на улицу. Велодорожек здесь не было, и приходилось либо лавировать по стоянкам и с краю дороги, либо с трудом огибать пешеходов, которые смотрели на велосипедистов как на обезличенное наглое нечто с двумя колесами. Особенно мамочки с колясками. Как же мамочки с колясками ненавидят велосипедистов, почти так же, как велосипедисты — этих мамочек.

Кирилл ехал по-над дорогой, цепляя иногда громоздким рюкзаком декоративные кипарисы и ели. Главное, что машины не цеплял — если вдруг поцарапает, влетит в копеечку. Даша и так платила штраф за то, что ехала с подружкой на одном самокате. Их кто-то сдал.

Парень представил, как Даша в летнем ярком сарафане сидит сейчас на парах, слушая какого-нибудь скучного преподавателя, у которого волосы густые только в носу и на бровях, но слова до нее не доходят, она в таком же страхе, как и он, не может ни о чем думать. У нее в голове не трудовое право, а эта тоненькая картонная палочка, а точнее, три таких палочки из упаковки средней цены с нежными, призванными успокаивать цветами.

Этой ночью у них был разговор. Разговор тяжелый. Задержка перевалила за две недели. Даша советовалась с подружками и матерью, но услышала в свой адрес только обвинения («А вы что, не предохраняетесь?», «Ну о чем вы думали!», «У тебя нет головы на плечах?»), не терпелось им узнать, как у них так вышло, как они до такого довели. Что делать, не говорили. А они тоже не знали. Решили с вечера, что на следующий день сделают тест. Пойдут к гинекологу. Купят дорожные таблетки для прерывания. Кирилл пообещал ей добыть деньги, но ее эти слова только расстроили, потому что не рассудительность ей нужна была, а сочувствие.

Даша разбудила Кирилла в полпервого ночи. Растолкала его, рыдая, спросила: «Ну почему ты спишь, почему ты не можешь поси-

деть со мной?» Парень не понял, перед глазами была пелена, смысл слов не продрался до его замутненной спросонья головы. Как на сон, глядел он на Дашино смятое, отекавшее от слез лицо; бледный свет из окна ложился так, что видно было красноту ее глаз.

— Что случилось, Даш? — Кирилл потерял глаза, повернул к девушке голову, не поднимаясь с подушки. — Чего ты не спишь?

— Да как я могу спать, Киря?! — закричала Даша и завывала, плечи ее затряслись, ленты волос упали на лоб. — А если я... если он есть уже... что нам делать тогда?! Что мне с ним делать?!

Кирилл потянулся к девушке, хотел взять ее за руку. Но Даша отсела дальше, к стене.

— Ты не любишь меня... — она прикрыла лицо запястьями, сложенными пальцами вцепилась в висающие пряди. — Кому я такая нужна...

Наконец парень осознал, что происходит. Скинул с себя одеяло, вскочил, обнял девушку, прижал к себе:

— Ну что ты несешь? Конечно, нужна! И я люблю тебя, ни за что не оставлю! Как ты вообще можешь так говорить...

— Ты даже потерпеть часик без сна ради меня не можешь! — Даша попыталась отстранить его от себя, и он поддался, глядел на девушку чуть сверху, не соображая, что делать и что говорить. — Ты мне нужен сейчас, Кирилл!

Рот его открылся, но слова так и не нашлись. Тяжелая и без того голова будто наполнилась жестким, крупным песком, стала больше напоминать набитый донельзя бурдюк, чем голову с думающим мозгом внутри. Веки смыкались, в висках потягивало, в груди, на самом верху, под горлом, нарывалась какая-то массивная, крившая дыхание плomba. Кирилл потирал пальцами затылок, нечаянно с болью надавливая на ямку между шеей и черепом. Он очень хотел спать.

— Даш, давай подождем с этим до утра. Тогда и план обдумаем. А сейчас-то что нам париться...

Резко, с раздражением и обидой девушка бросилась на кровать, та в ответ жалко, как-то визгливо скрипнула; Даша отвернулась к стене, шмыгнула носом, буркнула железно:

— Спокойной ночи, Кирилл!

Но Кирилл не мог уже лечь и спокойно спать. Соображал по-прежнему плохо, ничто в теле и конечностях не работало как надо. Но если бы он лег, возненавидел бы себя. Даша бы, может, и простила, а он бы эту селф-ненависть уже никуда бы не дел, потому что худшее из состояний — безразличие, а стать безразличным — душу собственную скомкать и выкинуть, а в чужую еще и плюнуть.

— Даш, — он положил руку ей на плечо.

— Я сказала: спокойной ночи! — Даша дернула плечом, отодвинулась еще дальше, на самый край подушки, так что голова упиралась в спинку. — Если тебе так хочется — спи. Мне не нужно, чтобы меня успокаивали.

Рука вновь опустилась ей на плечо. Кирилл погладил ее нежно, вздохнул, подсел ближе. Он не всегда понимал ее в такие моменты. Правильнее было бы сказать: чаще не понимал. Но не хотел оставлять, не хотел просто лежать рядом, отвернувшись.

— Даш, я не лягу, — заявил он, не переставая ее гладить. — Я буду рядом. И буду тебя успокаивать. Потому что тебе это нужно.

Минут пять она лежала не двигаясь, пока его рука мерно спустилась от плеча к локтю и так же мерно поднималась обратно, сползая иногда к спине. И чем дольше Кирилл гладил, чем чаще произносил «Я с тобой», тем заметнее Даша сопела, тем сильнее плакала. И вот она поднялась. Обняла саму себя, задышала прерывисто, губы ее кривились, подбородок наморщился, с век срывались незаметные при таком свете слезы. Она щурилась, глядя почему-то на подоконник — наверное, как на самое яркое место в комнате.

Вдруг вцепилась в парня, приникла к нему. Долго всхлипывала, силясь что-то сказать, но все в ней дрожало, все в ней было не на месте.

— Я боюсь, Кирь, понимаешь... — плакала Даша ему в шею.

— Не бойся, Даш, — ответил Кирилл и сам понял, как глупо и обыденно это звучит, но не мог ничего придумать честнее. — Все будет хорошо. Завтра купим тесты, если что-то... будет... то к врачу пойдем, купим лекарства...

Она обняла его сильнее, гладила по спине, почти терла.

— Ты знаешь, сколько медикаментозный аборт стоит?

— Если... — он не мог решить, как лучше сказать — «мы» или «ты», как передать, что он на ее стороне и примет любое ее решение. — Если посчитаем это нужным, то купим, я найду деньги, заработаю. Ничего страшного.

Девушка отстранилась, прижала к груди руки, взгляд опустила. Всклипнув, проскулила:

— Если я разрушу всю нашу жизнь...

Мелькнула мысль: «А если она захочет его оставить?» Но Кирилл отмел эту мысль как неважную, по крайней мере сейчас. Даша плакала, а ему не хотелось, чтобы она плакала.

— Вот стукнуть бы тебя! — не сдержался Кирилл и, чтобы сгладить ненарочную грубость, поцеловал Дашу в лоб, нежно об-

нял. — Не рушишь ты ничего! Это просто жизнь, такое иногда бывает. Все будет хорошо! Давай сначала тест сделаем, а там будем смотреть.

Посидели в обнимку молча.

Впервые Даша подняла лицо и взглянула на парня.

— Ты меня не бросишь? Даже если я истеричка?

— Если и истеричка, то моя и любимая, — улыбнулся Кирилл, приложился лбом к ее лбу, мгновение спустя поцеловал. — Обещаю, что буду рядом, хорошо?

— Прости, что я тебя на уши поднимаю, как всегда. — Она утерла слезы со щек и засмеялась. — Я люблю тебя и... не хочу, чтобы ты меня бросал.

Кирилл улыбнулся и погладил девушку по голове.

— Дурочка ты...

И уснули в обнимку...

Чуть не наехал на какого-то смуглого парнишку, перебежавшего стоянку. Тот молча отскочил, даже вдогонку ничего не бросил, а Кирилл вполголоса извинялся — больше для себя, чем перед ним. Оглянулся — полпути проехал.

Первые этажи многоэтажек коробились и коричневели магазинами, закутами копицентров и мелкопошибными кафешками. Впереди — перекресток с полутораминутным светофором, слева — пробка метров на триста, на весь отрезок улицы. На другой стороне брусчатку перекладывали, и народ по бордюру, у самых авто струился стройным потоком к этому самому светофору. Солнце, отражаясь в автобусных окнах, било Кириллу в лицо, слепило глаза, жгло шею. А кепку он сегодня, как обычно, не взял.

Хотел успеть проскочить, но притормозил за шесть секунд до красного, под самый писк: компашка школьников-среднеклассников перекрыла дорогу и встала. Кирилл цокнул, оперся на ногу. В круге красными лампами на черном стекле — 88, и счет уменьшался. Смирился.

Зашел, пока стоял на светофоре, в профиль. В кружке была его, Кирилла, сегодняшняя утренняя фотография (с фото-контроля) — торчащие кверху волосы, мелкие, вечно сонные глаза, дневная щетина. Ни разу не было у него нормального фото в профиле. И вообще ни у кого из курьеров нормального фото не было. Делали селфи на месте как попало. Парень открыл вкладку с сегодняшними заказами, глянул мельком на время: четвертый час дня.

Начал считать: «Почти шесть часов на слоте. Так. За это время доставил восемь заказов вроде. Да. Так. Первые три были из "Перекрестка" — два мелких по 70 рублей и третий с перевесом и

доплатой за километраж, 108 рублей... плюс 254... получается 502. Потом «кейэфси»... $502 + 101 + 61 = 664$... плюс 92... это будет 756. Последний... недалеко и мало... где-то рублей семьдесят... $756 + 70 = 826$. Кисло. В понедельник всегда кисло. В выходные за это же время можно спокойно взять 1500. Так... завтра от этой суммы придет всего половина. $826 : 2 = 413$... Надо будет купить картошку в «Пятерочке», где-то 30–35 р. за 1 кг; 2 кг картошки ≈ 70 р. Колбаса ≈ 230 р. Хлеб. Хлеб = 35 р. И Даше на глазированный сырок. Или он 40 р.? Если 40 р., можно взять 50 р. со стипендии, будет ей два сырка по 40 р. На стипендии не помню сколько... где-то... да, ≈ 480 р. Стоп, там еще по зарплате было... в среду, через два дня, остаток... еще 363... там в выплате висит 2043 р. $2043 + 363 = 2406$... Если добить завтра хотя бы 600 р., можно будет отложить 1000 р.»

Увлечшись счетом, Кирилл не заметил, что светофор уже показывал зеленый, и опомнился только, когда какой-то лысый мужик, проходя, зацепился плечом за руль велосипеда. Курьер помотал головой, возвращаясь к насущному, и крутанул педали, не убирая телефон в карман. Поспешил, хотел проскочить за пять секунд и умудриться объехать скопившуюся, как всегда на переходе, толпу. Но слишком плотно люди стояли, и слишком медленно они шли. Водители вдогонку Кириллу сигналили...

Даша сегодня утром перед институтом неоднократно повторила, пока он стоял в дверях: «Люблю тебя!» Кирилл отвечал взаимностью и не мог выйти, не насмотревшись и не наговорившись. Хотел на весь день ее нарадовать, за ночь и завтрак, думал, не успел, думал, что сказал недостаточно.

Они проснулись с трудом, на второй будильник с пятью минутами сверху. Он мычал, расталкивая девушку, она мычала, не желая вставать. Темные волосы закрывали заспанное лицо, Кирилл находил это милым. Он поставил чайник, сделал два бутерброда с ветчиной и сыром, оба положил на обеденный стол. Даша пока одевалась. Себе Кирилл налил лапшичного супа с пупком¹, поставил греться.

Девушка вышла в широких домашних джинсах, желтой футболке с пятном, заспанная, и, сладко зевнув, села. Улыбалась, довольная, в предвкушении вкусного завтрака.

— Как спалось? — спрашивал Кирилл, наливая девушке кипяток. Она любила горячий чай без сахара.

— Не выспалась... — вздохнула она, потирая веко кулачком. — Сон такой снился, ужас. Проснулась — не помню уже.

¹ Вареный куриный желудок.

Парень поставил рядом с девушкой чай. Себе стал насыпать кофе «три в одном», залил кипятком, кинул чуть сахара со столовой ложки. И суп успел согреться.

— А мне ничего не снится, — поделился Кирилл, поднося свой завтрак к столу, и признался: — Сегодня как-то и не спал почти, че-т думал.

Отпил с шумом из кружки. Даша умильно улыбалась и наблюдала. Ласково проговорила:

— Ты слишком много думаешь всегда.

— Хех, ну, типа...

Ели, смотрели друг на друга и молчали. Впереди ждал день. И день обещал быть напряженным...

В ресторан приехал вовремя. Тыкнул в приложении «На месте», пристегнул велосипед к лавочке у входа, зашел. Обстановка «косила» под Азию: иероглифы из японского и китайского, пластиковые люстры в виде красных бумажных фонариков, арты с пандами на стенах, декоративный бамбук в центре помещения служил перегородкой. Здесь любили сидеть подростки большими и не очень группами, заказывали пиццу и роллы темпура на карманные деньги и тратили по тысяче на человека. И чем ближе вечер, тем больше их набегало.

Места и так было мало, но к пяти часам за столиками сидело порядочно народу. Проходя к кассе за выдачей, Кирилл чуть не задел сумкой голову одной посетительницы, школьницы лет пятнадцати (с подружкой под боком), и извинился опять же вполголоса.

За кассой стоял парень-кавказец, полный, с рыжеющей бородой. Покручивал от скуки монетку на столешнице, поддерживая голову рукой. Через шею был накинута фартук, обвязки на нем висели и качались — так, форма для проформы.

— Здрасьте, мне заказ забрать, — обратился Кирилл, стаскивая с плеча термокороб.

Кассир достал из-под прилавка терминал, ввел что-то.

— Сумма заказа? — спросил он, не глядя на курьера.

Кирилл полез в карман за телефоном.

— Щас, секунду... — вынул, включил, зашел в приложение. Только сменился экран, пришло уведомление: «Пройдите фото-контроль сумки, доступ временно приостановлен». — Блин... э-э-э... тысяча двести шестьдесят девять.

Потыкав терминал, бородач выдал:

— Заказ в процессе, минут пятнадцать еще.

— Ага, спасибо, — вздохнул Кирилл, нашел глазами свободное место — высокий стул у стойки с бамбуком.

Закинул короб под ноги, сел, телефон положил на столешницу рядом с солонкой. Глянул мельком статус — действительно «Собирается...». Кирилл сложил руки перед собой, уронил голову лицом вниз. Ждал оповещения. Так всегда: торопишься успеть по таймеру, а ресторан еще готовит и будет готовить минут двадцать, приложение успеет и об опоздании уведомить. Хорошо хотя бы, что за долгую готовку в кафе не штрафуют доставщиков.

От нечего делать стал листать меню. Смотрел на цены: два самых дешевых ролла — сто сорок рублей за сто грамм. И называли они их не «роллы», не «суши-роллы», а именно «суши», хотя суши — совсем другая штука. Самый дешевый сет — «классический» за тысячу пятьдесят, весом полкило. Кроме риса, водорослей и кубиков рыбы, внутри ничего в этом сете не было. Все казалось Кириллу аппетитным, хотя он вовсе не любил роллы, они были больше по Дашиной части. Но после завтрака он сегодня не ел, живот крутило, и реклама начинала на него действовать.

Влез зачем-то в заказ. Там можно было посмотреть, что заказал клиент, в каких количествах и на какую, собственно, сумму. Да, на тысячу двести шестьдесят девять рублей, сет «Самурай». Чуть больше, чем полкило запеченных роллов. Нет, ему такое не по карману.

Захотелось Кириллу на имеющиеся деньги купить хотя бы один сет, самый простой, принести Даше домой, она бы обрадовалась. Было бы чем утешать, если что. Но денег жалел, боялся потратить сразу все (а это с ними случалось нередко) и сожалеть потом, зашиваться с голоду. А когда стало бы совсем не вмоготу, пришлось бы звонить родителям, что они делать не любили.

Кирилл представил, как сообщает свой матери о ситуации. Мямлил бы, точно мямлил, ходил бы вокруг да около, придумывал, как бы поделикатнее сказать, а мама бы за это время с ума сошла, строя в голове догадки, во что такое ужасное мог вляпаться сын. «Мам... Даша беременна...» — все, на что бы его хватило. Парень видел эту картину. Он звонит. Мама отвечает. Он говорит эти слова, по ту сторону пауза, потом разгон, от непонимания до расспросов, и долго, упорно она будет узнавать, как это могло случиться, предохранялись ли они, и если нет, то чем думали, чем он думал. Приедет. Живую, лицом к лицу обсудить. Она такая маленькая, стареющая, в чистом и аккуратно глаженном, приедет, приготовит что-нибудь, за стол всех посадит, сама будет пить чай стоя и стоя же начнет говорить, что и как теперь делать. Попутно отчитает много раз. Потребуется ребенка оставить, скажет, что будет помогать своей агрономской зарплатой, и помощь эта будет

хуже, чем если бы она отреклась от него, потому что не будет ни одного дня, когда она не скажет: «Надо было думать! Надо было так! Надо было не так!» Но он, Кирилл, как-нибудь переживет это, чего не скажешь о Даше. Она вполне ладила с его мамой, но, если случится такое, мама обвинит во всем девушку, скажет, что та загребла бедного парня и села ему на шею. Нет, даже не так. Мама так никогда не скажет. И, может, даже не будет так думать. Но Даша — будет. Обязательно будет. Будет чувствовать себя обузой, виноватой в том, что все вышло так, как вышло. Что она испортила им жизнь.

С ее родителями будет еще хуже. Даша этого просто не выдержит. Ее отец — мужик-мужик, работает всю жизнь не покладая рук на радиозаводе. Человек он обычно немногословный, но дочь для него — дело особое. Кириллу он бы, пожалуй, голову не оторвал. И вообще ничего ему не сказал бы, зато сказал бы Даше. Он всегда вмешивался в жизнь дочери как только мог, не хотел оставлять ни на минуту, постоянно звонил, обсуждал каждое ее действие, не мог не лезть с советами, которые больше походили на назидание, говорил вещи вроде: «А ты вообще старалась, Даш?» Держал и не отпускал. А мать соглашалась с ним. Приезжала в гости, наводила порядок за Дашей, а девушке из-за этого казалось, что она плохо убралась, приложила недостаточно усилий, хотя она вымывала каждый сантиметр и убивала на это весь выходной. Если Даша позвонит родителям со словами «Пап, мам, я беременна», они не оставят ее в покое. Тоже будут требовать оставить ребенка. Предложат отдать его им, пока Кирилл и Даша будут доучиваться, будто это не живой человек, а какая-то кошка. И парень не преувеличивал, такой разговор действительно шел, он как-то подслушал девушку и ее отца на кухне. А ведь заберут. И всю душу выжрут, потому что Даша «покажет свою безответственность» этой беременностью. Не будет житья. Деньги, может, будут, хоть сколько-то, а житья — нет...

— Доставка, тысяча двести! — гаркнул бородатый кассир, поставив пакет с роллами на стойку, и поспешил обратно на кухню.

Тут же и в приложении сменился статус на «Готов к доставке». Кирилл взял телефон, перетащил сумку поближе к стойке выдачи. Сложил заказ, накинул короб на плечо и двинул на выход. Задел стул у самой двери так, что тот грохотнул, благо там никто не сидел.

— Простите, — буркнул Кирилл, потирая пальцами веки, и закрыл за собой дверь в кафе.

Глянул адрес. Идти на Пирогова, совсем рядом, в район брежневков. Один переход через улицу, минут пять пешком, не то что на колесах. А приложение почему-то выдало все восемь.

Не торопясь, Кирилл отстегнул велосипед, затем достал из бокового кармана литровку воды, отпил. Загляделся на прохожих. Возникло желание что-то сказать, но рядом не было никого, оставалась только толпа и люди из толпы. Вздохнул, убрал все, сел и поехал к назначенному месту.

«Может, после этого домой поехать...» — подумал Кирилл, крутя педали.

Двор был сплошь засажен каштанами. В начале сентября листья их уже желтели, и Кирилла, когда он заехал во двор, переключило. Только что все было зеленое, а здесь — осень. В центре двора на огороженной площадке гоняли в футбол дети. Собаки с бирками на ушах стаей в четыре морды бегали вокруг сушилки из четырех жердей и натянутой на них проволоки. Кто-то на этой конструкции даже развесил вещи. По-над стенами росли какие-то полудикие цветы, над ними нависали иссиня-зеленые, сиреневые кусты, перекрывая окна первых этажей.

Подъезжая, Кирилл чуть не зацепил пробежавшую мимо кошку. Затормозил, не удержался и чуть не упал на бок, вовремя ногу выставлял. Ругнулся. Оставалось метров тридцать, и Кирилл решил слезть с велосипеда и пройтись.

У нужного подъезда заглянул в детали заказа. Был указан адрес, подъезд, но без этажа, а в комментариях написано: «По домофону не звоните, звоните на номер: 8-938-***-**-**, я спущусь». Кирилл тыкнул на значок телефонной трубки, бот предупредил, что для повышения качества обслуживания все разговоры записываются, и дал гудки. Ответили быстро.

— Алло, слушаю! — женский голос в трубке старался перекричать ветер.

— Здравствуйте, это доставка! — тоже повысил голос курьер. — Я стою у подъезда, было указано позвонить на номер!

— А, да-да! Хорошо! — голос прервал жуткий скрежет напора воздуха прямо в динамик, такой резкий, что парень отдернул телефон от уха. — Я задержусь... минут десять... скоро буду!

— Хорошо! — отозвался Кирилл и завершил звонок.

Приставил велосипед к стене, сумку устроил рядом, а сам сел на ступени, уткнулся в телефон. Даша ему написала.

16:21 — У меня пары кончились, я домой. Я их все нафиг проспала на парте. Блин, мне такой сон снился. Будто я трижды опоздала на такси и у меня рейтинг в Яндексe упал. На четвертый

раз меня не хотели брать таксисты, а я вся в платье в универ хотела поехать. Странно

16:26 — Интересные у тебя сны!

16:26 — Преподы не ругали хоть?

16:27 — Да им самим пофиг!)))

Общались еще минут десять. О всякой ненужной чепухе говорили, об учебе, о еде, о Дашиных подругах. Про себя Кирилл считал, сколько ей примерно понадобится времени, чтобы доехать до квартиры. И сколько сам он будет топтать обратно. В любом случае она возвращалась домой раньше.

«Нет, все, пойду домой!» — решил Кирилл и поспешил, пока не дали новый заказ.

Зашел в приложение и нажал «Завершить слот». Оставалось только отдать заказ женщине-опозданке.

Ждал еще пять минут. Десять. А «Вручение» все стояло. И вот высветилось, что он вручает заказ слишком долго. Не выдержал, позвонил еще раз. Женщина сказала, что только сошла на остановке и уже бежит.

Кирилл сидел и переживал. Боялся, что ему сделают перерасчет, а перерасчет — это все равно что штраф. Можно и залететь в долг, и пришлось бы тогда платить уже самому. Он не знал, какие санкции ждут его за долгое «Вручение», зависит ли это от клиента, или система все делает сама, или вообще за это не наказывают. Не хватало еще в такой момент остаться без денег. Сколько за такое могут слизать? Пятьсот рублей? Тысячу?

А если ребенок, то без денег будет невозможно. Эта мысль сковала парня, он уперся лбом в кулаки, скрипнул зубами. Горло перехватил болезненный спазм. Обходиться случайными заработками будет просто глупо, эта доставка — даже не полноценная работа, а так, шабашка. Нужно будет спросить у куратора насчет индивидуального плана. Поспрашивать о свободных местах по городу. Найти что-то по специальности. Неужели никому в городе на шестьсот тысяч человек не понадобится юрист? Юрист... а ведь может и не понадобится. Может просто не найтись нормальная работа. Это в девяностые нужны были юристы и экономисты, а сейчас кому это надо? В полицию, да и вообще в органы, его не возьмут — у отца судимость. Адвокатом? Смешно. Кирилл силился придумать еще какую-нибудь профессию, но не мог. Можно было еще пойти в школу вести обществознание. Денег будет не так много, но это будет честно и наверняка. Репетиторствовать сверху можно,

вокруг много старшекласников, которых нужно готовить к экзаменам. Тогда точно не умрут с голоду. Если там... А если на это нужно педагогическое образование? Если в школу просто не возьмут без профиля? Но что-то у них в вузе про это говорили, вроде и без этого возможно устроиться, просто курсы пройти. А курсы, наверное, платные... Но без работы все равно нельзя. Даже если по образованию некуда будет, просто нельзя без денег, нельзя без денег, нельзя без денег... У мужа двоюродной сестры есть вакансия на радиозаводе. Он предлагал Кириллу работу на лето — сварщиком. Сорок штук, говорил. И просто на работу зазывал — им нужны усидчивые, которые могут долго делать простую работу. Говорил, что там, на месте, и варить учат. Если так, то можно прийти с нулем и с нуля разогнаться до нормальной зарплаты. Только работать много, с восьми до восьми, но для него это нестрашно. Будь возможность, Кирилл и в доставке работал бы так же... но на такую работу его никто с учебы не отпустит, не могут выдать индивидуальный план на непрофильную деятельность. А кто захочет на заводе хлопотать ради мелкого рабочего, который, вполне вероятно, надолго не задержится на месте... но, может, получится договориться... куратор подсуетится... письма, обращения какие-нибудь...

— Простите, это вы доставка? — обратились к Кириллу.

Парень сжался от неожиданности так резко, что в животе что-то подскочило и тут же упало обратно. Перед ним стояла женщина средних лет, в официальном костюме — рубашка, галстук, приталенный жакет, узкая серая юбка. Из черной сумки торчала красная папка с документами.

— Да, доставка, — опомнился Кирилл, взялся за термокороб. — Вы из «Пандамаркета» заказывали?

Только сейчас он заметил за спиной женщины ребенка лет шести в кепке с Железным человеком, плотной ватной кофте и подвернутых узорчатых джинсах.

— Да, я оттуда заказывала, — закивала женщина. Затараторила, роясь у себя в сумке: — Вы извините, пожалуйста, что так долго, я забирала сына из садика, а у них собрание было... вот, держите!

Она протянула Кириллу, обеими руками державшему пакет с роллами, пятьсот рублей. Курьер поначалу не понял, а когда понял, замялся. Ему ни разу за год не давали чаевых.

— Максюш, возьми у дяди пакет, — попросила женщина ребенка.

Тот вышел вперед, заторопился взять у парня заказ, Кирилл растерянно отдал.

— Возьмите, я вам столько неудобств причинила...

Кирилл промычал что-то невнятное в ответ, взял купюру и сбивчиво заговорил:

— Да не, все хорошо... спасибо... приятного аппетита!

— Хорошего дня! — пожелала, улыбнувшись, женщина, поправила сумку на плече и махнула сыну: — Пошли, Максюш. Скажи дяде «до свидания».

— Спасибо, до свидания! — размашисто, почти кланяясь, кивнул ребенок и побежал вперед матери к подъезду.

Кирилл убрал пятьсот рублей во внутренний карман олимпийки и, пока боролся с лямками короба, невольно проводил клиентов взглядом. Мальчик радостно забежал в темный подъезд и слился с тенью ближе к лестнице, а мама прикрывала за собой тяжелую железную дверь, чтобы не шуметь. Кирилл постоял немного, что-то его взволновало и никак не могло успокоиться. Он вытер ладонью лицо, вздохнул, достал телефон. Отчитался, что заказ доставлен. Приложение минуты две грузило и выдало наконец: «Не на слоте».

В Телеграме отписал Даше, она была онлайн:

17:01 — Я закончил

17:01 — Еду домой

Она тут же ответила:

17:02 — О, здорово!))

17:02 — А я только-только зашла.

Тебе что-нибудь приготовить?

Стоял и думал, что бы ответить. Ему ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, ни ходить, ни думать. Он хотел прийти домой и узнать наконец, что там с этими несчастными тестами.

Отписал:

17:05 — На твое усмотрение)

Взял велосипед, выкатил его за двор, сел. И поехал домой.

К дому Кирилл приполз в полшестого вечера. Нескладный ЖК с красной облицовкой и светофором незастекленных балконов. Перегородки желтого, зеленого и красного цветов были случайно раскиданы по зданию. Они с подругой снимали здесь, на самом юге города, почти у леса, однушку. Девять тысяч в месяц плюс коммуналка. Квартплату взяли на себя родители, Кирилл с Дашей платили только за свет-воду. Газа во всем комплексе не было,

пользовались электрической плиткой. Дом в прошлом году сняли с ареста, не все еще было приведено в порядок. Поэтому квартира обходилась им относительно дешево.

Ноги двигались с натугой. Кирилл шел пешком, ведя велосипед за руль. За день колени умерли, больно было просто шагать, не то что крутить педали. Кое-как вывел велик к подъезду, уместил в лифте (благо приехал грузовой). Задержался у двери квартиры. Приложился лбом к красному железному ящику, где лежал огнетушитель. Он был чуть теплый. До боли вжался в металл и налегал, пока дверца не выгнулась с противным звуком «дым-м». Боялся заходить. Тревога давила на горло.

«Нам нельзя ребенка! — паниковал он, держа руки навесу и не зная, куда их пристроить. — Нам нельзя ребенка! Я люблю ее и ни за что ее не оставлю, но нам нельзя ребенка! Мы нищие, у нас ничего нет: ни работы, ни образования. Родители просто отнимут его, потому что мы слишком безответственные. Вокруг нас не мир, а дурдом! Цены взлетают до небес, людям плевать друг на друга, каждый хочет другого наколоть, война идет, в конце концов! Одному жить тяжело, вдвоем еще тяжелее, а ребенок... Как ребенок будет жить здесь? Как *сейчас* впускать ребенка в этот мир? Как растить его, если сам этому миру не доверяешь, если сам жить боишься?!»

Кирилл закрыл лицо руками. Вдохнул. Выдохнул. Еще раз. И еще раз. На очередном вдохе взялся за ручку. На очередном выдохе нажал на нее.

Кухня шумела кастрюлями, чайником и моющейся посудой. Пыталась перебить звуки, доносившиеся из кухни, музыка из телефона, звучало что-то попсовое, но понять, что это за песня и какой группы, было невозможно, все слилось в гул. Кирилл занес в квартиру велик, поставил его к стенке и случайно прошелся колесом по обоям, оставив очередную черную отметину.

— Да блин... — проворчал Кирилл, стаскивая с плеч осточертевшую сумку. — Да-а-аш!

Она выскочила из кухни в одной (Кирилла) длинной футболке и фартуке поверх. Обрадовалась, увидев парня.

— А я не слышала, как ты вошел! — улыбнулась она, подошла и обняла. — Я тут решила тебе к пельменям еще супчик приготовить. Ты как? Устал?

— Да есть немного... — улыбнулся он и крепко прижал к себе девушку.

Постояли так чуть-чуть. Вдруг Кирилл отстранился, оперся спиной о стену, руки к бедрам прижал. Даша смотрела на него с

тревогой и ждала, что он скажет. А он понятия не имел, как о таком спросить. И обронил почти случайно, будучи уже не в силах что-то делать и о чем-то думать:

— Как тест?

Даша ушла в ванную, подняла со стула три узеньких картонки, вынесла в прихожую. Протянула парню. На каждом из трех тестов розовела одна полоска. Кирилл взял их в руки, долго и бессмысленно разглядывал.

— Ну чего ты смотришь, папой ты в ближайшее время не станешь! — с обидой на такую никакую реакцию сказала Даша.

Она выхватила тесты, пошла выкидывать их в урну к туалетной бумаге и волосам из слива. Кирилл оглядел прихожую, всю чистую, бежево-серую, прислонился к стене. Кулаки его сжались. Видел он, что Даша стоит к нему спиной в проходе ванной комнаты, и старался сдержаться.

Думал: «Как же ты мне нервы выколебла! Господи, я не могу больше, я постоянно в работе и тревоге, а ты только и делаешь, что выносишь мне мозг и плачешь, хотя сама творишь всю эту фигню. Не ты ли мне говорила, мол, Киря, ну зачем тебе резинки, у тебя же от них не держится, и поэтому ты ревешь потом ночами, говоря, какая ты дура и как я тебя, такую дуру, брошу, а я не могу тебя, дуру, бросить, потому что хочу сломанные вещи чинить, а не выкидывать, потому что я чмошник и слабак, который не может ничего сказать прямо и который боится, что на него обидятся, а ведь надо уже говорить “нет”, кричать уже надо, потому что дальше только хуже, и если я продолжу молчать, то просто в какой-то момент выброшусь из окна мордой в бетон, и тогда плевать мне будет на твои переживания, я просто сдохну, сдохну, сдохну, потому что я слабак, а ты истеричка и... и... и...»

Кирилл подошел к Даше, обнял ее сзади, поцеловал в макушку и сказал:

— Как я тебя люблю!

